

Пазухин Алексей Михайлович

Тайна Воробьевых гор

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Михайлович П.**
Тайна Воробьевых гор / Пазухин Алексей Михайлович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 176 с.

ISBN 978-5-521-27072-9

Содержание: Тайна Воробьевых гор; Наездница; Пустышное дело

ISBN 978-5-521-27072-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вый молодой человекъ, тоже похожій на мать, но безъ ея обилія мяса и жира.

Иванъ Павловичъ пилъ чашку за чашкой, изрѣдко вздыхая и бросая сердитые взгляды на сестру, которая, украдкой отъ отца, шалила и, то толкала брата подъ локоть, то кидала маленькіе хлѣбные шарики въ сидѣвшую на противоположномъ концѣ стола старушку-бабушку, пьющую чай съ медомъ и укоризненно качающую головой на шалости внучки.

Тишина въ комнатѣ прерывалась только стуканьемъ маятника большихъ стѣнныхъ часовъ, урчаньемъ самовара, да осторожнымъ стуканьемъ чайной посуды.

Когда молчалъ Павелъ Евлампіевичъ, молчали и всѣ.

Въ оклеенной недорогими темными обоями и украшенной большой иконой въ углу и старинными запыльными картинами духовнаго содержанія по стѣнамъ комнатъ былъ полумракъ; только одна свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ освѣщала эту комнату.

Павелъ Евлампіевичъ поднялъ голову отъ книги и оглянулъ столъ, заставленный посудой, тарелками съ баранками и домашнимъ хлѣбомъ и блюдечками съ вареньемъ.

— А гдѣ мои сливки кипяченые?—спросилъ онъ.

Анюта вспыхнула и чуть не уронила чашки съ чаемъ.

— Ахъ, виновата, папаша, забыла-съ... Я сію секунду,—проговорила она, подымаясь со стула и опуская глаза передъ взглядомъ отца.

— Забыла?.. А развѣ приказы отца забываютъ?.. Вѣдь я тебѣ наказывалъ, чтобъ сливки всегда передъ мной стояли?.. Вѣдь говорилъ я тебѣ, а?—не спуская глазъ съ дочери, заговорилъ старикъ.

— Виновата-съ,—прошептала Анята.

— Виноватыхъ бьютъ!.. Оттого ты и забыла, што я тебя драть забылъ!.. Вотъ я, замѣсто сливокъ-то, прикажу тебѣ плеть принести, да и напому тебѣ!.. Такъ напому, што въ другой разъ не забудешь, да!.. Поѣсть, попить забудешь, а приказъ мой не забудешь!.. Пошла, принеси!..

— Сливки... или... или плеть? едва сдерживая слезы, спросила дѣвушка.

По лицу Павла Евлампіевича скользнула чуть замѣтная улыбка.

— Сливки, а плеть пока въ умѣ держи,—сказалъ онъ и по уходѣ дочери обратился къ женѣ.—Ты только спишь, а о дѣтяхъ у тебя заботы нѣтъ; дочка дурой растеть, а Михайло до десяти часовъ вечера дома не бываетъ, когда меня нѣтъ... Гдѣ у тебя башка-то.

— Стараюсь, кажется, Павелъ Евлампіевичъ, да силъ моихъ не хватаетъ!—жалобнымъ тономъ заговорила Василиса Степановна.—Анну третьяго дня шелковымъ поясомъ стегала, а Миша вѣдь, сами знаете, характеренъ, да и двадцать пять лѣтъ имѣетъ, мало слушаетъ меня... Не хватаетъ моихъ силъ, Павелъ Евлампіевичъ!...

— Что-же ты за мать, коли у тебя на науку дѣтей силъ не хватаетъ? Помнишь мою покойницу-матушку? До сорока лѣтъ я самъ боялся ее, а тебя она послѣ замужества твоего, чуть не черезъ десять лѣтъ за плохія выходки въ банѣ березовыми вѣниками драла!

— Ахъ, умныя онѣ очень женщины были, а я слаба: разумомъ-то, Павелъ Евлампіевичъ, больно слаба!..

— Тоже мало бита, оттого и слаба,—заклучилъ

Щипцовъ и, взявъ отъ вернувшейся дочери кувшинъ съ горячими сливками, опять углубился въ книгу.

Прошло еще минутъ десять, и въ холодной комнатѣ раздались мужскіе шаги.

— Кто тамъ?—окликнулъ Павелъ Евлампіевичъ.

— Я, батюшка,—отвѣтилъ звучный голосъ, и въ комнату вошелъ старшій сынъ Павла Евлампіевича, Михаилъ.

Это былъ также плотно и могуче, какъ отецъ, сложенный молодой человѣкъ, лѣтъ 25; та-же красивая голова, гордо откинутаая назадъ, тѣ-же вьющіеся волосы, тотъ-же твердый взглядъ темно-карихъ глазъ, и только свѣжесть молодого лица, да отсутствіе суровости и жестокости въ общемъ выраженіи лица были не старика Щипцова, а то сынъ походилъ на отца, какъ двѣ капли воды.

Михаилъ Павловичъ былъ одѣтъ въ коричневый длинный сюртукъ, въ сапоги съ бураками, въ черный глухой жилетъ, и къ его мощной фигурѣ очень шелъ этотъ костюмъ, немного ушедшій отъ чисто русскаго; небольшая русая бородака окаймляла его красивое открытое лицо, а углы красивыхъ полныхъ губъ нѣсколько скрывали тонкіе, слегка вьющіеся усы.

— Товаръ я отправилъ, батюшка, и написалъ накладную, сегодня-же онъ и поидетъ,—сказалъ, усаживаясь къ столу, молодой человѣкъ.

— Ну ладно... Когда отопьешь чай, съѣзди къ Спигину, скажи ему, что завтра срокъ его векселю, и что я приказалъ ему сказать объ уплатѣ; деньги, молъ, очень нужны,—не отрываясь отъ книги, проговорилъ Павелъ Евлампіевичъ.

— Я чаю не хочу, сейчасъ съ Саловскимъ прикащикомъ пили; не наливайте мнѣ, маменька... Поѣду я сію минуту, а пока лошади закладываютъ — хотѣлось-бы мнѣ, батюшка, вамъ два-три слова сказать, — барабаня пальцами по столу, обратился Михайлъ Павловичъ къ отцу.

Тотъ поднялъ голову.

— Какія такія слова?.. Говори...

— Нѣтъ, батюшка, хотѣлось-бы сказать по секрету...

Старикъ насупилъ брови и немного подумалъ.

— Ладно... Не наливай мнѣ больше, не хочу, — сказалъ онъ женѣ и всталъ. — Ну, пойдемъ въ контору, что у тебя за слова такія ко мнѣ... Иванъ, вели поди, сѣраго въ одиночныя сани заложить, и когда будетъ готово — скажешь... Пойдемъ, Михайло.

Отецъ и сынъ вышли изъ комнаты.

II.

Комната въ которую вошелъ Павелъ Евлампіевичъ съ сыномъ, помѣщалась въ концѣ дома и была предназначена для конторы: въ ней стоялъ старинный письменный столъ съ порыжѣлымъ и протертымъ сукномъ, заваленный различными счетами, накладными и торговыми книгами; между двухъ оконъ помѣщалась конторка, стѣны украшались дешевенькими гравюрами въ рамкахъ; въ углахъ грудami возвышались образцы различныхъ кожъ и дубильныхъ матеріаловъ, наполняя комнату острымъ, такъ и бьющимъ въ носъ запахомъ.

Павелъ Евлампіевичъ сѣлъ у стола и вопросительно взглянулъ на остановившагося у конторки сына.

— Ну, что у тебя за дѣло такое?— спросилъ онъ.

Михаилъ Павловичъ на минуту задумался, потупивъ глаза.

— Дѣло у меня, батюшка, вотъ какое,—заговорилъ онъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ и съ выступившей краской на лицѣ.— Я хочу просить вашего позволенія жениться... Не заговорилъ-бы я этого до тѣхъ поръ, пока вы сами не захотѣли-бы женить меня, да... да полюбилась мнѣ одна дѣвушка, и осмѣлился я... Дѣвушка она хорошая...

— Самъ выбралъ?— спросилъ Павелъ Евлампіевичъ.— Отца-то подождать не хотѣлъ?.. Вѣдь пока я еще живъ, изъ ума, слава Богу, не выжилъ—могъ-бы, кажись, избрать тебѣ невѣсту... Или нынче это не въ модѣ?

— Мода на это, батюшка, никогда не отойдетъ; пока свѣтъ стоитъ—завсегда родитель о своемъ сынѣ будетъ заботу имѣть и въ выборѣ жены ему поможетъ, по-совѣтуетъ... Но когда сыну, въ годахъ ужъ не ребячьихъ, полюбится дѣвушка, оцѣнить онъ ее, какъ быть должно—тогда онъ и самъ можетъ избрать невѣсту, а у родителя только благословенія попросить долженъ... Такъ я и дѣлаю, батюшка... Еще я скажу вотъ что: иной женится для того только, что пришла-де пора, или хозяйку въ домъ нужно, тогда ему на комъ ни жениться, лишь бы жениться... Найдеть себѣ по годамъ, да по состоянію пару,—и женится; а иной женится потому, что пригласилъ его дѣвушка по нраву, по душѣ, полюбилась,—и безъ нея жизнь не мила... Я, батюшка, женюсь вотъ такъ, по послѣднему...

Павелъ Евлампіевичъ смѣрилъ сына съ головы до ногъ насмѣшливымъ взглядомъ.

— Вотъ оно что... А что ты мнѣ отвѣтишь, если я тебя спрошу: какъ ты смѣешь такъ-то разговаривать со мной?... Откуда это у тебя смѣлость взялась съ отцемъ такія рѣчи-то говорить?—спросилъ онъ.

— Вѣдь обиднаго въ моихъ словахъ, батюшка, ничего нѣтъ, а заговорилъ я потому, что нужно было заговорить... Гнѣваются вы, батюшка, за то, что я спросилъ васъ, дозволенія вашего сталъ просить, такъ вѣдь еще-бы больше прогнѣвались, если-бъ я безъ позволенія женился...

Старикъ, казалось, былъ пораженъ такимъ аргументомъ и только съ удивленіемъ взглянулъ на сына.

— Все быть можетъ,—точно про себя проговорилъ онъ.—Все быть нонѣ можетъ.. Кто-же это такая Милитриса Кирбитьевна, которая тебѣ полюбилась такъ?.. Вѣдь позволеніе даютъ тогда, когда узнаютъ невѣсту... Коли дѣвушка хорошая, изъ семейства порядочнаго, по состоянію намъ подходящая—женись, Богъ съ тобой... Кто она такая?

— Дѣвушка она хорошая, но изъ семьи, не скажу, чтобы хорошей, и богатства у ней, батюшка, нѣтъ... По Рязанской дорогѣ, на десятой верстѣ отъ Москвы есть усадьба барская, Станихино прозывается, такъ вотъ вдовы бывшаго управляющаго этимъ имѣньемъ дочь—дѣвушка эта, Натальей зовутъ ее...

Павелъ Евлампіевичъ вскочилъ съ мѣста.

— Что-о? Что ты сказалъ?—заговорилъ онъ, засверкавъ глазами.—Это дочь управительши Силантьихи, Наташка?.. Да ты ошалѣлъ, что-ли? Или шутишь надо мной?.. Смѣешься, что-ли, надъ отцомъ-то?

— Нѣтъ, я не шучу, батюшка... А вы... вы знаете развѣ ее? —спросилъ Михаилъ Павловичъ.

— Наташку-то?.. Кто-же эту полюбовницу станихинскаго барина не знаетъ?.. Да не въ этомъ дѣло, не въ этомъ—ты скажи мнѣ вотъ что: ужели ты впрямь хотѣлъ жениться на ней?.. Шутки шутить со мной ты словно-бы не сталъ, такъ значить... ты правду говоришь?

— Правду, батюшка; я люблю эту дѣвушку, а что про нее говорятъ — такъ это неправда, это ложь, сплетня...

— Вонъ съ глазъ моихъ, щенокъ!—вдругъ на весь оумъ закричалъ Павелъ Евлампіевичъ. — Если ты еще осмѣлишься съ такимъ дѣломъ ко мнѣ придти, такъ я тебѣ рыло сворочу на сторону!.. Вонъ!..

— Я уйду, батюшка, но знайте, что на этомъ дѣлѣ я ужъ по своей волѣ поступлю, и если вашего согласія не будетъ—безъ него обвѣнчаюсь... А клеветникамъ глотки я заткнуть способъ найду!

Михаилъ Павловичъ вышелъ изъ конторы прежде, чѣмъ отецъ успѣлъ придти въ себя отъ неожиданной выходки сына.

Долго смотрѣлъ на затворенную сыномъ дверь Павелъ Евлампіевичъ, потомъ провелъ по лбу рукой и, тяжело вздохнувъ, поднялся со стула.

— Характерень парень, въ меня уродился, не сломишь его силой, надо другимъ способомъ покорить,—проговорилъ онъ и сталъ ходить по конторѣ, взъерошивая свои сѣдые кудрявые волосы.— На Наташкѣ станихинской жениться вздумалъ!.. А знаетъ-ли онъ, что Наташка эта полюбовницей барской была... знаетъ-ли

онъ еще то, что... что *невѣста* его облюбованная по душѣ старику-отцу его пришлась и тоже чуть-чуть любовницей не сдѣлалась... Лишней сотни цѣлковыхъ пожалѣлъ, а то-бы моей любовницей была невѣста-то эта!.. Нѣтъ, нѣтъ, надо во время пожаръ-то залить, а то-бы бѣды не вышло...

Павелъ Евлампіевичъ быстро вышелъ изъ конторы, сильно озабоченный.

III.

Въ верстахъ въ тридцати отъ Москвы и въ двухъ верстахъ отъ одной изъ станцій Рязанской дороги расположено село Станихино.

Проѣзжающему по упомянутой дорогѣ видны изъ вагона высокія столѣтнія липы, окружающія барскій домъ села Станихина, а золоченый крестъ станихинской колокольни видѣнъ верстъ на десять, ибо усадьба и церковь расположены на горѣ, и только дома крестьянъ спускаются по откосу этой горы къ небольшой рѣчкѣ.

Станихино, года два тому назадъ, было приобретено съ аукціоннаго торга московскимъ купцомъ Шапиловымъ, а до того времени принадлежало отставному штабъ-ротмистру Григорію Семеновичу Харзевину, какъ родовое имѣнье, перешедшее къ нему отъ отца.

Харзевинъ, по выходѣ въ отставку, жилъ въ Станихинѣ каждое лѣто, оставаясь иногда и на зиму, но лѣтъ десять тому назадъ онъ овдовѣлъ и уѣхалъ за границу поправлять разстроенное здоровье и еще болѣе разстраивать не менѣе разстроенное состояніе.

Барская усадьба въ Станихинѣ опустѣла, многочисленная прислуга была распущена, и изъ всѣхъ обитателей нѣкогда оживленной усадьбы остались только старичекъ управляющій, садовникъ, да ключница Матрена Силантьевна; послѣдняя дѣла никакого не имѣла, но ей за услуги еще отцу Григорія Семеновича было предоставлено право жить въ одномъ изъ флигелей, пользоваться дровами изъ барской рощи и держать коровъ на барскомъ кормѣ.

Матрена Силантьевна съ осьмнадцатилѣтней дочкой Наташей и жила въ Станихинѣ; жила небогато, но нужды не имѣла, извлекая довольно порядочные барыши изъ молочнаго хозяйства и кромѣ того снабжая окрестныхъ мужиковъ небольшими суммами денегъ за большіе проценты и подъ вѣрное обезпеченіе.

У разбитной, бойкой ключницы могли-бы водиться и деньжонки, но воспитанная ввиду барской роскоши, она смолоду еще привыкла посаривать деньгами и цѣну имъ хорошенько не знала; легко они доставались ей.

Красавица смолоду, она прищлась по душѣ барину, который и «склонилъ ее на любовь» довольно скоро, не смотря на то, что мужъ ея, страстно ее любившій, протестовалъ противъ этого всѣми силами; мужа скоро съумѣли удалить, и Матрена Силантьевна зажила въ свое удовольствіе, значительно таки обирая барина и проматывая его деньги съ его-же камердинеромъ, красавцемъ-французомъ.

Такъ дѣло шло до смерти барина, послѣ которой Матрена Силантьевна поопустилась, но, все еще очень красивая собой, она нашла покровителя въ управляющемъ, и безпечальное житіе продолжалось до тѣхъ

поръ, пока новый владѣлецъ имѣнья, Григорій Семеновичъ, не овдовѣлъ и не уѣхалъ за-границу, послѣ чего управляющій былъ отпущенъ и замѣненъ простымъ мужикомъ; шумная жизнь въ усадьбѣ кончилась, обязанности ключницы сошли до крайняго minimum-а.

Матрена Силантьевна «сократилась». Она перестала пошвыривать деньгами, не стала носить «матерчатыхъ платьевъ» и шумящихъ юбокъ, но гоноръ «барской барыни» въ ней остался цѣликомъ.

Гоноромъ жить было невозможно, а привычки къ жизни на широкую ногу забывались съ трудомъ, такъ что нужно было изобрѣтать какой-нибудь источникъ для поддержки неожиданно улетучившагося благосостоянія.

Таковымъ источникомъ могла послужить дочь. По крайней мѣрѣ такъ рѣшила Матрена Силантьевна, со-знавшая, что дочь ея не только не уступала наружностью, такъ хорошо эксплуатированной ею, Матреной Силантьевой, матери, а даже затмила-бы и ее въ самую цвѣтущую пору молодости. А дочь была дѣйствительно красавица; обаятельная, чарующая, могущая сводить съ ума своею красотой.

Въ плавныхъ изгибахъ роскошнаго тѣла сказывалась нѣга; каждый поворотъ, каждое движеніе этого на диво созданнаго стана были полны граціи, прелести, изящества, но не того изящества, которое воспитываютъ гувернантки и танцмейстеры, а прирожденнаго и тѣмъ болѣе прекраснаго.

Темно-русые волосы, тяжелой косой упадавшіе на античную, бѣлую, какъ мраморъ шею, мягко очерченныя брови, овалъ личика матовой бѣлизны съ румян-